

МАНИХЕЙСТВО, СОГДИ И СОГДИЙСКИЕ КУПЦЫ

1904 г. считается датой начала изучения согдийского языка. Это случилось тогда, когда были обнаружены в конце XIX – начала XX в. в Восточном Туркестане (СУАР, КНР) европейскими экспедициями рукописи на нескольких алфавитах: манихейском, сирийском и согдийском. Согдийский первоначально был назван Ф.В.К. Мюллером «пехлевийским диалектом», а Ф.К. Андреас, сопоставив «календарные термины, содержащиеся в одном из манихейских турфанских фрагментов, с названиями согдийских месяцев и дней, которые привел Бируни в своем сочинении «Хронология» (конец X в.)», установил, что это рукописи на согдийском языке (Лившиц, Хромов, 1981, с. 350). Таким образом, согдийский язык, принадлежащий восточноиранской группе, был засвидетельствован в письменных источниках VIII – IX вв. Как заметил В. Зундерманн, открытия в Восточном Туркестане обнаружили тексты неизвестных ранее языков, казавшейся потерянной на всегда манихейской религии (Sundermann, 2004,

с. 354) и до сих пор позволяют заключать, что на протяжении всего торгового пути от Ближнего до Дальнего Востока существовали тесные культурные связи, усиливавшиеся с грандиозными походами от Александра Великого до Истеми-кагана. Обнаружение Турфанской библиотеки действительно стало важным для науки событием. А.Л. Хосроев, посвятивший исследование истории манихейства, отмечает, что: «Истекшее столетие было столетием открытия и издания неметного количества древних рукописей на разных языках, которые донесли до нас подлинные, ранее неизвестные письменные памятники различных религиозных движений первых веков нашей эры» (Хосроев, 2007, с.5).

В настоящем исследовании мы ставим задачу проведения анализа взаимосвязей между хорошо известной историей согдийской торговой колонизации и историей манихейства в Центральной Азии¹.

¹ Нынешнее представление о регионе «Центральная Азия», широко употребляемое, имеет территориальный охват пяти суверенных тюркоязычных государств: Казахстана, Киргизстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана. Тогда как в более широком смысле регион Центральная Азия включает в себя также азиатскую часть России, Сибирь, в том числе, СУАР и Тибет в Китае, Афганистан. И в этом его охвате историческое прошлое региона представляло собой устойчивую форму взаимодействия земледельческих и скотоводческих культур. В исторической советской литературе по отношению к частям Центральной Азии использовались отдельно обозначения Средняя Азия, Казахстан, Восточный Туркестан и т.д. В

Согд – это центральная область Средней Азии, сыгравшая важную политическую и культурную роль в древней и средневековой истории Центральной Азии. Французский исследователь Этьенн де ля Вэссиер посвятил монографию изучению истории согдийской торговли от древности до нового времени (Vaissiere, 2004). В этой работе он дает яркую картину истории согдийцев, заостряя главное внимание на торговых отношениях, при этом оказывается, что их полноценное изучение невозможно без понимания общих тенденций политического и социального развития. При Ахеминидах Согд был включен в состав этой державы и представлял собой урбанизированную область долины реки Зеравшан. Главный город этой области Самарканда стоял в одном ряду с такими городами как Бактриана и Мерв. Через тысячелетия после исчезнувшей империи Ахемидов в Согде в VII в. н.э. еще использовались административные формы управления, унаследованные от Вавилона. В законах из Суз говорится, что согдийцы были поставщиками сердолика и ляпис-лазурита (лазуревого камень) (Vaissiere, 2004, с. 20-23). Речь идет о «лазуритовом» торговом пути, который связывал Месопотамию, Иран, Сирию, Египет, Анатолию со Средней Азией, Восточным Туркестаном, Китаем и обширной степью саков-кочевников (Лубо-Лесниченко, 1988, с. 352-356). Греки называли Согд Согдианой, а ее жителей согдианами или согдами, а греческие историки походов Александра Македонского считали границей между Согдом и Бактрией реку Амударью. Представления о Сырдарье как северной границе Согда основываются на том, что в местности при Нау состоялась битва войска Александра Македонского с саками. Во время походов Александра и затем греко-бактрийских царей в Индию усили-

ваются связи между Средней Азией и Индией, и, возможно, Китаем; с этого времени началось расселение согдийцев за пределами долины Зеравшан (Бартольд, 1963, с. 174).

Внешний фактор греко-македонского завоевания сыграл важную роль в будущей деятельности согдийцев – они взяли на себя роль торговых агентов и продвигали обменные связи между различными народами. Процесс формирования этой «специализации» протянулся на длительное время, и такое событие в истории Центральной Азии как Великое переселение народов вплело свою решающую лепту в историю становления Согда как центра международной торговли (Vaissiere, 2004, с. 90-99).

Специализация согдийцев на международной торговли – настолько важное в истории Центральной Азии событие, которое способствовало развитию в дальнейшем нескольким факторам истории региона.

1) Существовавшие до этой «специализации» торгово-обменные связи между отдельными странами и народами, были систематизированы, перешли в разряд обязательных международных отношений, способствовавших развитию внутренних и внешних коммуникаций, выработки политики взаимодействия оседлых и кочевнических обществ вдоль определенных путей и районов взаимодействия², приводили к тесным этническим и культурным взаимоотношениям; регион между областями расселения земледельцев и скотоводов становился важным центром политической деятельности различных народов.

2) Происходила фильтрация согдийского населения за пределы Согда, но сам Согд оставался метрополией, связывающей согдийцев в единую этническую общность³. Осознание себя принадлежащей другой общности далеко за пределами этой общности способствовало выработке этни-

Средней Азии выделяли Трансаксонию (междуречье Сырдарьи и Амударьи), Маверанаэр (по сведениям арабоязычных источников, дословно означает «за рекой»). Отдельные области Центральной Азии, такие как Согд, Семиречье, Туркестан (Русский и Китайский) имеют свою историю, обычно необорванную от общих тенденций культурного, экономического и политического развития всего региона. Регион Центральная Азия в достаточной степени взаимосвязанный регион, степень которых зависела от политической конъектуры извне и внутри отдельных его частей. На Центральную Азию оказывали влияние в прошлом, по крайней мере, четыре региональных фактора: индийский, китайский, ближневосточный и российский. Вытеснение и последующее исчезновение скотоводческой цивилизации, часто называемая кочевническая илиnomadicеская, в любом случае уникальная по своей природе культура, создавшая феномен культурного баланса между природной аридной зоной степей и человеческим обществом, является тоже историей Центральной Азии.

² Процесс перехода скотоводов к земледелию и наоборот был высказан в работе В.И. Грошева на основе анализа ирригационной системы в Южном Казахстане (Грошев, 1985, с.14, 35-34).

³ В так называемых согдийских «Старых письмах», датируемых учеными от II в. до IV в. н.э. (Henning, 1948; Harmatta, 1971) показывается частная переписка между представителями согдийских торговых факторий в Восточном Туркестане и Самаркандром.

ческого самосознания на основе рода занятий⁴. Этот процесс способствовал развитию согдийской колонизации от Ирана до Китая и укреплению маршрутов торгового пути, но также одновременно вел к укреплению области реки Зеравшан и Кашакадары как политического центра развитого урбанизированного, оседло-земледельческого государства.

3) Создавались согдийские торговые колонии, которые выступали как экономически взаимосвязанные с экономикой той или иной страны или общества единицы, так и одновременно были независимыми хозяйствственно-торговыми субъектами. Их «независимость» определялась их специализацией как торговцев, купцов, посредников в торгово-обменных отношениях. При этом проникновение согдийского населения в местную среду было неоднородным и различным. Во взаимодействии с кочевниками вырабатывалась система отношений, при которых видна взаимозависимость хозяйствующих специализировавшихся на определенной деятельности субъектов (скотоводов, земледельцев, торговцев, ремесленников, воинов).

4) Степень политической независимости согдийских колоний и самого Согда в Центральной Азии в разное время была различной и определялась воздействиями внешнего фактора⁵. История знает множество примеров мирного сосуществования и ведения общего, но разделенного по специализациям хозяйства, которые могли возникать как на почве обменно-торговых отношений, так и на основе политической необходимости и борьбы за власть⁶.

5) Сложились терминологические и статусные различия между метрополией Согдом и его колониями в различных районах региона. В древнетюркских рунических текстах из Монголии можно увидеть ясное различие между понятиями «Согд» и «Согдак», где Согд – это область реки Зеравшан с центром в Самарканде, а Согдак и соответственно «согдакский народ (sordaq bodun)» – это согдийские колонии на территории Семиречья, или точнее, по мнению Ю.А. Зуева, развалины городища Сюткент, которые находились в районе озера и урочища Кара-кёль в 2 км от русла по течению левобережья Сырдарьи, выше Отрара (Зуев, 2002, с. 176-177). Терминологические различия являются принципиальными в понимании исторических событий областей взаимодействия кочевнических и оседлых обществ (Зуев, 2002, с. 174-175).

При изучении истории Центральной Азии необходимо иметь в виду значимость развития коммуникационных каналов для понимания этнической пестроты, политических, социальных и культурных связей между двумя производящими экономическими: земледельческим и скотоводческим.

В отношении распространения манихейства в Центральной Азии преимущественное значение имеет караванная торговля, протянувшаяся от Ближнего до Дальнего Востока, и роль в этом процессе принадлежит согдийцам, персам и всякому торговому люду, примыкающему к ней на протяжении Великого шелкового пути⁷. В Средней Азии с запада на восток Шелковый путь шел через Мерв по переправе на Амударье у селения

⁴ В Таншу имеются описания жителей Самарканда: «Родившемуся мальчику язык намазывают каменным медом, а на ладони кладут клей, чтоб он был сладкоречив и крепко держал денежку. Искусны в торговле и корыстолюбивы. Мужчина, достигший двадцати лет, уезжает в соседние владения и везде побывает, где только предвидят выгоды» (Бичурин, 1998, ч. 2, с. 323). В отчете китайского посла Вэй Цзе, посетившего Самарканд между 605 и 617 гг., говорится: «Люди царства Кан (Самарканда) – ловкие торговцы. Когда мальчик достигает пятилетнего возраста, его начинают обучать грамоте; когда он научится разбираться в книгах, его посыпают научиться торговому делу; получать барышни считалось большинством жителей отличным делом» (Маликов, 2007, с. 55).

⁵ Например, отношения эфталитов и Согда представляют собой пример, когда первоначально мирное сосуществование приводит к политической зависимости Согда-метрополии и его вхождение в состав Эфталитского государства. Согласно китайским летописям, во второй половине 4 в. в Согде захватили власть кочевники. К. Еноки отождествляет этих кочевников-завоевателей Согда с хионитами (Enoki, 1955, с. 235). По предположению Б.Г. Гафурова, эфталиты захватили Согд между 467-470 гг. или 480 г. (Гафуров, 1972, с. 200). При этом Согд продолжал направлять в Китай свои посольства вплоть до 510 г. Начиная с 510 г. посольства в Китай шли из государства эфталитов. Относительно отношений тюркских каганатов и согдийских колоний в его политических пределах, С.Г. Кляпторный, исследуя историю согдийской колонизации Семиречья, сделал вывод, что «в первой половине 8 в. в Семиречье существовала территориальная федерация (амфикиония) согдийских городов, осуществлявших согласованную внешнюю политику. Номинальная зависимость федерации от западнотюркских каганов скрывала ее подлинную роль в политической жизни Средней Азии» (Кляпторный, 1964, с. 135).

⁶ Например, знаменитый брачный контракт из Мугского архива фиксирует брак между знатным тюроком Ут-тегином и согдийской Дугдгончей из согдийской колонии в Семиречье города Навеката (Нового города) (Лившиц, 1962, с. 18, 27-28, прим. 48). Каганом тюрок и согдийцев считали китайские летописцы Ильби-незук-эльтебера (Зуев, 2002, с. 159).

⁷ Во II – I вв. до н.э. население Евразии осваивает сеть торговых дорог, связывающих основные культурные регионы. Это был тот путь, который в классическом труде К. Рихтгофена «Китай» (1877 г.) был назван «Шелковым путем». В настоящее время это название стало общепринятым. В мировой истории он становится Великим шелковым путем, многочисленные разветвления которого создали конгломерат бурлящей экономической жизни оседлых и кочевых народов.

Амуль, далее – через Пайкенд до Бухары, а оттуда через Кармину, Рабиндкан и Иштихан в Самарканд. Из Самарканда на восток в Китай вели две дороги: одна – проходила через Худженд, Фергану и Кашгар, другая – через Чач и Семиречье. Этот путь способствовал согдийской колонизации областей, где располагались кочевья усуней, тюроков. Путь от Самарканда до Ходженда имел ответвление, которое вело в Пенджикент, оттуда через верховья Зеравшана в Бужикат, затем он доходил до Ходженда и вновь соединялся с основной магистралью (История, 1999, с. 125). От Мерва в Китай вела дорога, которая проходила через Балх, Бадахшан, Ишкашим, Шугнан и Яркенд (Гафуров, 1972, с. 328). В Индию торговый путь шел от Самарканда через Термезскую переправу, Балх, Хульм, Кабул. Владения правобережного Токаристана были связаны с южной ветвью Шелкового пути, которая проходила через Балх. Северотокаристанские владения Чаганиан, Ахарун, Шуман, Вашгирд выходили к южной магистрали пути, в город Балх через несколько амударьинских переправ – при устье реки Кафирниган у Айваджа в Кабадиане, при устье реки Вахша у Мела и через переправу у реки Термез (Бартольд, 1962, с. 123). Из Балха купцы через Таликан, Бадахшан и Яркенд шли в Китай, через Хульм и Кабул – в Индию, а через Герат – в страны Ближнего Востока. «Западный меридиональный путь» шел через Ордос (современная территория Монголии) и плоскогорье Ганьсу и Шэньси (КНР) и связывал степные зоны Казахстана и Южную Сибирь с Восточным Туркестаном и юго-западными районами Китая. Из торговых центров Ирана шло распространение манихейства, в различных направлениях по караванным путям, «старожилами» которых были согдийцы.

Учение религиозного деятеля и пророка Мани (216-277 гг.) является тем оригинальным явлением в жизни Вавилона в составе Ирана во времена династий Аршакидов и Сасанидов, которое оставило после себя письменное наследие, обнаруженное в текстах на территории Восточного Туркестана. Манихейство – это синкретическое, дуалистическое, гносеологическое, мифологическое учение, которое, основываясь на принципе универсальности своей доктрины, сконцентрировало в себе сюжеты и образы многих локальных религий, верований и представлений той среды и окружения, где получало распространение. По мнению Мани, в мире искони существова-

вала одна истина (Свет), которую локально возвещали три великих апостола – Будда на востоке, Заратуршта в Иране, Иисус Христос на Западе. В локальности буддизма, зороастризма, христианства заключалась их ущербность, поэтому Мани активной миссионерской деятельностью и письменной традицией доказывал универсальность истины первоначальной абсолютной разделенности светлого и тёмного, доброго и злого. Мани нес в мир веру в истину того, что мир движется к этому первоначальному состоянию разделения светлого от тёмного, доброго от злого. В первую очередь Мани стремился побывать и открыть манихейские общины в различных провинциях Ирана, затем он направил в другие страны своих приверженцев (Адда, Озеос, Аммо, Паттег). Благодаря этим миссионерским поездкам, еще при жизни Мани его учение достигло Сирии, Палестины, Египта, Малой Азии. Из Египта манихейство распространилось в Северную Африку и Испанию, из Сирии через Малую Азию в Грецию и Иллирию. Проповедь самого Мани слышали в Индии и Кашгаре. Его ученик мар Аммо обращал в новую веру жителей Абаршахра (Нишапура) и Мерва. Мерв становится одним из важных центров распространения манихейской проповеди по путям торговли согдийских купцов. После смерти Мани в Мерв прибыл его первый преемник Сиссиний, который отметил, что в Мерве «все братья и сестра пребывают в благочестии» (Литвинский, Смагина, 1992, с. 521-522). При мар Аммо Хорасан становится основным центром манихейской церкви и базой для распространения манихейства на восток, в княжества Восточного Туркестана, в страну тюрков и Китай. Мар Аммо побывал в долине Амударья, где основал манихейскую общину. Как пишет в «Хрестоматии манихейских текстов на среднеперсидском и парфянском языках» М. Бойс: «Между 244 и 261 годами, в то время, когда сам Мани был в Вех-Арташире (часть аль-Мадаина), он послал миссию в Египет во главе с Аддой и Паттегом, который, ранее был в «Риме». Эта миссия, которая увенчалась значительным успехом, достигла Александрии (текст h), Другая миссия, посланная пророком из Хульвана (по дороге из Вавилона в Хамадан), была во главе с Амосом, который сопровождался принцем из династии Аршакидов. Амос проник в далекие северо-восточные области империи, в Парфянское царство и Мерв и далее (текст h). Там он основал общины, и обратил правителя Варуча

(современный Гарч) (текст j) в свою веру. Третья миссия во главе с Аддоей и Абзахьей в 261–262 годы обратила в манихейство многих среди христиан в Каркфике. Было, несомненно, много и других миссий, из которых до нас не дошло никаких отчетов» (Boyce, 1975, с. 124).

В тот период самым эффективным способом распространения религиозных учений были торговые караваны, и манихейцы часто бывали купцами. Предпочтение торговой деятельности нашло отражение в манихейском учении. Например, в Кефалайа говорится, что «купцы – это Светила небесные» (Кефалайа, 204, стк. 10). Как известно, светила небесные (Солнце и Луна) являются воротами, через которые проходит душа человека, освобождаясь от тёмной сущности материального мира смешения. В гносеологических учениях «светочем» обычно именуется посредник, занимающий положение между светом и мраком» (Кефалайа, глоссарий, с 450). В данном случае купцы и торговцы обозначены как светила небесные, поскольку тоже являются посредниками в обменно-торговых операциях, также как, посланные Мани его ученики-миссионеры являются всего лишь посредниками (Светилами небесными, светочами) между истинной верой и людьми. В одном из документов говорится, что Мани дал приказ Аддаю: «Не уноси их (проповеди) дальше, но оставайся там (т.е. в тех землях, где распространяешь учение) как купец, который открывает сокровище!» (Виденгрен, 2001, с. 59). Манихейская проповедь шла вместе с купцами, ремесленниками и миссионерами вдоль всего протяжения Великого шелкового пути, его многочисленными дорогами и тропами.

По мнению М. Бойс, после кровавых гонений манихеев с началом утверждения в качестве государственной религии Сасанидского Ирана зороастризма, главная сила манихеев постепенно сосредотачивается за Оксом (Амударьёв), по северо-восточной границе Ирана. За Амударью мигрируют манихейские беженцы, по своему происхождению относящиеся к средневековым иранцам и парфянам. Однако согдийские купцы, населяющие оседлые центры на границе со степью, которые вели с Ираном интенсивную торговлю, а город Мерв уже давно был торговым центром между Ираном и Центральной Азией, становятся адептами и слушателями (нигошак) манихейской церкви (Boyce, 1975, с. 125). По мнению В. Хеннинга, «согдийцы были основными носителями манихейства в Центральной

Азии» (Henning, 1977, т. 1, с. 391–392), а память о проповедях Мар Аммо отразилась в том, что впервые около 600 г. произошел первый раскол манихейской церкви. Эта секта носила название динавар, что со среднеперсидского означает «попадали веры», а у арабских авторов эти общины известны как «динаварийя». Разногласия между общинами манихеев и динаваров касались вопроса о том, что все ли души людей спасутся в результате перерождения (Литвинский, Смагина, 1992, с. 522). Начиная примерно с 692 г., когда вновь интенсифицируется торговля между Ираном и Китаем, манихейство проникает в восточном направлении через согдийские торговые колонии, растянутые вдоль караванных путей между согдийским городом Самаркандром и Китаем (Boyce, 1975, с. 127).

Ю.А. Зуев в своем исследовании восстанавливает картину согдийской колонизации Семиречья и Южного Казахстана и говорит о том, что одной из дорог распространения манихейства в оазисы Восточного Туркестана и тюркскую степь был таласский путь, а сам Талас (араб. Тараз), который находился в стране Аргу-Талас по словарю тюркский наречий Махмуда Кашгари, становится центром манихейской проповеди (Зуев, 2002, с. 185–207 и др.). Согдийский посол Маниах от кагана западных тюрков представлял его интересы перед сасанидским и византийским дворами, а его страна в долине р. Талас являлась страной, где говорили по-туркски и по-согдийски. Кочевая степь тюркского времени в политическом, экономическом и культурном отношении была накрепко связана со среднеазиатскими и восточнотуркестанскими государствами, а торговые пути, которые тянулись вдоль тюрко-согдийских земледельческо-скотоводческих центров в направлениях от Ирана до Китая и обратно являлись контактными зонами со степью. Историю этой географической части анализирует французский исследователь, обращаясь к темам роли согдийской торговой империи и взаимосвязи торговли и дипломатии в Центральной Азии (Vaissiere, 2004, с. 204–223). Манихейство было известно у западных и восточных тюрков, киргизов и уйгуров, и, вероятно, в кочевой среде. Так же как и в Средней Азии оно трансформировалось, подвергалось влиянию окружающей культурной среды и стало другим не по сущности своего учения, а по внешним формам тюрко-согдийского окружения. Надо сказать, что учёные разделяют манихейство на восточную церковь с

центром в Кочо (Турфандский оазис, СУАР), подвергшуюся влиянию буддизма и наоборот буддизм тоже подвергся влиянию манихейства, и западную церковь, связанную с восточным христианством (Tremblay, 2001; Lieu SaueI, 1998; Lieu SaueI, 2004).

Уже в период арабского завоевания и укрепления ислама, в Багдаде манихейство продержалось до X в. и затем ее глава переселился в Самарканд, вместе с которым туда же отправилось 500 общинников-манихеев. Перу академика В.В. Бартольда принадлежит множество работ по истории Средней Азии, именно в его работах мы находим факты широкого распространения в доисламский период дуалистических верований, среди которых было и манихейство. В «Истории культурной жизни Туркестана» ученый обращает внимание на то, что «из религий переднеазиатского происхождения с Туркестаном особенно тесно было связано манихейство» (Бартольд, 1963, с. 216). Ученый также отмечал: «Подвергаясь одинаковым гонениям в Персии и в Римской империи, последователи различных дуалистических сект уже в III в. начали выселяться в Трансоксианию (междууречье Амудары и Сырдарьи). Из них манихеи были многочисленнее других; строго определенная организация также давала им большой перевес; благодаря всему этому они достигли господствующего положения» (Бартольд, 1964, с. 270). В сочинениях арабских историков и путешественников дуалисты обозначались словом «зиндик» и это слово применялось ко всем представителям дуалистических религий. По мнению Г. Виденгрена, в персидских источниках словом «зиндик» обозначались представители особого вида религиозной традиции, но арабы смешивали манихеев и приверженцев веры магов из Шизы (Виденгрен, 2001, с. 188). Однако, вероятно, маздакиты в Самарканде, Шаше и Илаке подчинились влиянию манихеев (Бартольд, 1964, с. 270). Согласно, Абу Райхану Бируни в XI в. в Самарканде была манихейская община, члены которой называли «сабиями». Этот термин встречается в Коране и впоследствии сабиями стали называться представители других религий, кроме мусульман, христиан, иудеев и зороастрийцев. Термин «сабии» закрепился за манихеями в Самарканде, здесь же была их ханака или нигошак – дом или кельи манихеев. В.В. Бартольд предполагает, что термин ха-

нака (*перс. хане «дом»*) было впоследствии заимствовано мусульманскими дервишами (Бартольд, 1963, с. 216). Термин «нигошак» встречается в тюркских манихейских текстах, где означает «слушатель» – член религиозной общины манихеев, представляющий собой представителя самой низкой ступени в иерархии манихейской церкви (Древнетюркский словарь, 1969, с. 358-359). В манихействе словом «манистан» обозначались монастыри или «жилища богов», происхождение которых в западной церкви было связано с общинами элхасаитов, откуда и началось воспитание Мани (Sundermann, 1987, с. 71-72), а в восточной церкви с буддизмом. Манистаны возникают во время проповедей Мани, когда он захотел, чтобы верующие могли бы собираться для проповедей в общежительские общины. Также исследователями высказывалось мнение, что манихейские манистаны, или в уйгурских текстах чаиданы «обрядовый зал» оказали влияние на формирование в Средней Азии мусульманских ханака (Литвинский, Смагина, 1992, с. 528, 530). Манихейские монастыри владели земельными угодьями, виноградниками, туда доставлялись «дары» в виде зерна, скота, дынь, хлопка и т.д., имелась администрация манистана, которые носили название *хрвх'н и is аугии* «иш айгучи» – (турк. внутренний советник), имелись свои ремесленники, художники, мастера по дереву и росписи, кузнецы, врачи⁸ (Литвинский, Смагина, 1992, с. 529).

Арабское завоевание и распространение ислама сыграло большую роль в истории Центральной Азии. Арабо-персидские источники IX-X вв. делили Согд на две части: Самаркандинский (по среднему течению Зеравшана) и Бухарский (по нижнему течению Зеравшана). Такое же разделение административного управления было установлено при династии Саманидов, и вероятно, была связана с различиями исторических событий в двух оазисах (Лившиц, Хромов, 1981, с. 349). Коммуникации и торговля сохраняли свое важное значение в истории Центральной Азии и согдийские купцы продолжали играть роль посредников. Но политическая обстановка менялась и соответственно, если в тюркский период согдийцы ориентировались на конъектуру политических и экономических интересов Византии, Ирана и Тюркских каганатов, то с образованием Арабского халифата и утверждения позиций теократической госу-

⁸ М. Бойс отмечала, что сам Мани во время своих проповедей занимался врачеванием. О лекарских способностях манихеев высшей иерархии также отмечают и другие исследователи (Bouse, 1975, p. 125; Литвинский, Смагина, 1992, с. 523)

дарственности⁹ как формы религиозной власти, которая несет идею о едином Боге и отвергает тем самым идею о многобожие, то для согдийцев необходимо было приспособиться к новым обстоятельствам, вжиться в меняющиеся ориентиры религиозной, политической и экономической жизни. Это не произошло в одночасье.

Дуалистические религии еще прочно держались в Центральной Азии, и манихейство занимало важные позиции, более того согдийские города искали помощи у тюркских вождей от арабов. В письме раба Фатуфарна «к согдийскому царю, самарканском государю Дзввштичу» ясно говорится, что Согд ожидал помощи от тюркского кагана¹⁰, тогда как: «(8) И, господин, (9) письмо кагану и письмо ферганскому царю (10) я через ферганского тутука ферганскому (11) царю переслал. И, господин, я потому дальше (12) не могу пойти, ибо, господин, кагана, по слухам, совсем (13) нельзя увидеть. (19) потому я вернулся снова в Чач» (Лившиц, 1962, с. 79). Уже позже от этих событий в период, когда Кутейба совершил завоевательные походы в Среднюю Азию и покорил крупные политические и торговые центры, в том числе, и Самаркан¹¹, ал-Якуби сообщает: «Назначил Кутейба правителем Самарканда брата своего “Абдаррахмана ибн Муслима. А люди Самарканда восстали против него, и на него напал хакан, царь тюрков. И написал (“Абдаррахман) Кутейбе, но тот оставался на месте (в Мерве), пока не рассеял тюркское войско» (цит.: Кляшторный, 1964, с. 161). В истории Казахстана хрестоматийно известно, что тюргешский Сулу-каган (715-738 гг., кит. Чжунь

Шунь-хан Сулу, тюрк. Сулук, Сюлюк) прославился решительными действиями против арабов и получил прозвище Абу Музахим (Бодливый). В тюрко-согдийских городах «особенно ревностными противниками ислама были богатые; бедных привлекало в особенности то, что арабы платили по два дерхема за каждое посещение мечети» (Бартольд, 1964, с. 274). Манихейские манисты были весьма богатыми, а согдийцы-манихеи были богатыми дехканами-землевладельцами. Такой вывод следует из того, что в учении Мани особое место отводилось милостыни и подаяниям верующих. Вся иерархия манихейской общины была подчинена идеи того, что одни, слушатели или послушники¹², несут обязанность преподносить милостыни (дары), служить другим, т.е. праведным или избранным, которые ведут идеально праведную жизнь¹³. Как сказано в «Кефалаиа»: «Второе дело принадлежащего к катехуменам состоит в следующем: человек должен отдать церкви для праведных дел или (своего) сына, или своего родственника, или принадлежащего к его дому; или он должен спасти кого-то, кто оказался в стесненном положении, или купить раба и отдать его для праведных дел. И третье: этот человек должен построить (вероятно, тюрко-манихейское манистан – К.Т.) или учредить (место), чтобы оно стало частью его милостыни в святой церкви» (Хуастванифт, 2008, с. 40). Слово катехумен означает человека, который способен построить ради избранных манихейской церкви «жилище, обиталище», это некий богатый донатор, спонсор. Ислам принес с собой новую экономическую политику относи-

⁹ Впрочем, в древности и раннем средневековье не существовало светскости как преимущественной формы государства, потому что понятием смысла «светскости» или «религиозности» даже не задавались. Причина этого в том, что верования и религии, государства и общество были едины организмом, не оппозиционировались с властью, и власть сама «выбирала» ту или иную религию для поддержания своих политических позиций.

¹⁰ По мнению В.А. Лившица, эти события личной переписки Дзввштича относятся к периоду 708-722 гг. (Лившиц, 1962, с. 62). В.В. Бартольд реконструировал и привязал к сведениям арабских и тюркских рунических источников события 712 г., когда тюркские войска Бильге-кагана в продолжении похода на тюргешей вторгаются также в Среднюю Азию, именно Согд, а не Согдак, как в действительности в надписи (КТБ, 43-44) (Бартольд, 1968, с. 284-311). Ю.А. Зуев на основе китайских источников, тюркских рунических текстов, сведений согдийских документов показывает, что исторические события войны между восточными тюрками и тюргешами произошли во второе лето периода Цзин-лун т.е. в 708 г. и продолжения похода в Согд-метрополию не было, потому что в памятниках в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука речь идет о согдийских колониях в Семиречье (Зуев, 2002, с. 166-167, 172-177).

¹¹ По мнению В.В. Бартольда «окончательно завоевание страны произошло гораздо позже, при халифе Му’тасиме (833-842 гг.)» (Бартольд, 1964, с. 272).

¹² Т.е. рядовые верующие, которые имели три основные обязанности: молитва (обращенная к Солнцу и Луне была доступна всем), пост (обычно по воскресеньям) и милостыня (главная обязанность, потому что благодаря милостыне и пожертвованиям любой верующий способствует освобождению Света, как из любой неодушевленной субстанции, так и из самого себя, ибо душа человека есть сущность двух началам светлого и тёмного). Вероятно отсюда в манихействе особый доктринальный принцип приобретает трапеза, во время которой происходит освобождение частиц света, т.е. пища становится важным элементом общения людей ради очищения светлой души.

¹³ Избранные несли пять обязанностей: не лгать, не убивать, не есть мясо, держать себя в чистоте, пребывать в бедности (Хуастванифт, 2008, с. 38).

тельно верующих: мусульман и немусульман. Мусульмане, т.е. принявшие ислам платили в казну десятину-ушр, а не принявшие ислам были обязаны выплачивать поземельный налог харадж и подушную подать – джизию. При различных халифах манихеи подвергались гонениям. С установлением ислама в Самарканде, как сообщают ан-Надим правитель намеревался истребить манихеев, но был предупрежден «царем Китая», вероятно, уйгурским или тогуз-огузским правителем об ответных действиях против мусульман (Литвинский, Смагина, 1992, с. 525).

Применительно к времени после арабского завоевания и сопутствовавшего ему внедрения ислама в завоеванных странах Абу Рейхан Бируни писал более тысячи лет назад: «У Мани остались последователи, рассеянные в различных местностях, [вероучение] которых возводят к нему. В странах ислама нет почти ни одного места, где бы они были сосредоточены; существует только община в Самарканде. Что же касается всемусульманского [мира], то веру Мани и его учение исповедуют большинство восточных тюрок, обитатели Китая, Тибета и части Индии» (Бируни, 1957, с. 213). В ряде исследований В.В. Бартольда, М. Бойс, В. Хеннинга, Э. де ля Бессиер и других ученых отмечалось существование манихейских общин на территории Средней Азии и Южного Казахстана, связанного с деятельностью согдийской торговой экспансии и собственно Согдом. Принятие ислама согдийцами и среднеазиатскими дехканами способствовало растворению манихейских идей и их приспособлению к новым политическим условиям и господствующей религии, они не могли открыто исповедовать свою веру. П. Циме исследуя манихейские письменные источники, обращает внимание на то, что для манихеев в Центральной Азии были характерные «белые одежды», изображения таковых имеются в Турфанской настенной живописи (Zieme, 2001, с. 211). Еще арабские авторы сближали «людей в белых одеждах с зиндиками», и по мнению В.В. Бартольда, это безусловно манихеи, которые не совершали ни намаза, ни омовения и не соблюдали постов, но называли себя мусульманами (Бартольд, 1963, с. 218).

При исследовании вопроса о манихействе в Центральной Азии очевидна роль Согда и согдийской торговой колонизации, протянувшейся вдоль Великого шелкового пути.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартольд, 1962* – Бартольд В.В. Сочинения. – Т. 1. – М.: Восточная литература, 1964.
- Бартольд, 1963* – Бартольд В.В. Туркестан при исламе. – Сочинения. – Т. 2, ч. 1. – М.: Восточная литература, 1963. – С. 194-238.
- Бартольд, 1964* – Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) – Сочинения. – Т. 2, ч. 2. – М.: Восточная литература, 1964. – С. 265-302.
- Бартольд, 1968* – Бартольд В.В. Древнетюркские надписи и арабские источники. – Сочинения. – М.: 1968. – Т. 5. – С. 284-311.
- Бируни, 1957* – Рейхан Бируни. Памятники минувших поколений. – Избранные произведения. – Т. I. – Ташкент, 1957.
- Бичурин, 1998 – Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын баспасы, 1998. – Ч. 2. – 348 с.
- Виденгрен, 2001 – Виденгрен Г. Мани и манихейство. – СПб: Евразия, 2001. – 254 с.
- Гафуров, 1972 – Гафуров Б.Г. Таджики. – М.: Наука, 1972.
- Грошев, 1985 – Грошев В.А. Ирригация Южного Казахстана в средние века. – Алма-Ата: Наука, 1985. – 148 с.
- Зуев, 2002 – Зуев Ю.А. Ранние тюрок: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 332 с.
- История, 1999 – История таджикского народа. – Душанбе, 1999. – Т. 2.
- Кефалаїа – Кефалаїа («Главы»). Коптский манихейский трактат. \ Пер. с коптского, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. – М.: Восточная литература, 1998. – 512 с.
- Кляшторный, 1964 – Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 210 с.
- Лившиц, 1962 – Юридические документы и письма. / Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. – М.: Восточная литература, 1962. – 221 с.
- Лившиц, Хромов, 1981 – Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык. – Основы иранского языкоznания. Среднеиранские языки. – М.: Наука, 1981. – 544 с.
- Литвинский, Смагина, 1992 – Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство. – Восточный Туркестан в древности и средневековье. – М.: Наука, 1992. – С. 508-532.
- Лубо-Лесниченко, 1988 – Лубо-Лесниченко Е. И. Великий Шелковый путь. – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье (очерки истории). – М.: Наука, 1988. – С. 352-371.
- Маликов, 2007 – Маликов А.М. История Самарканда в источниках с древних времен до конца эпохи Темуридов. – Самарканд, 2007. – 151 с.
- Хосроев, 2007 – Хосроев А.Л История манихейства (Prolegomena). – СПб: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. – 478 с.
- Хуастванифт, 2008 – Хуастванифт. (Манихейское покаяние в грехах). Предисловие, транскрипция уйгурского текста, перевод Л.Ю. Тугушевой. Комментарий А.Л. Хосроева. – Санкт-Петербург: Изд-во «Нестор-История», 2008. – 69 с.

Boyce, 1975 – Boyce M. A reader in manichaean Middle Persian and Parthian. Text with notes. – Acta Iranica IX. – Lieden, 1975. – 196 p.

Enoki, 1955 – Enoki K. Sogdiana and the Hsiung-nu // CAJ, v. 1, n. 1, 1955.

Harmatta, 1971 – Harmatta J. Eine neue Quelle zur Geschichte der Seidenstrasse // Jahrbuch fur Wissenschaftsgeschichte, 1971, n. 11.

Henning, 1948 – Henning W. B. The date of the Sogdian Ancient Letters. // BSOAS, 1948, v. 12.

Henning, 1977 – Henning W. B. Argi and the “Tokharians” // Selected papers. - Acta Iranica. – Vol. 14-15. – Theraan-Liege, 1977.

Lieu Sauel, 1998 – Lieu Sauel N.C. Manichaeism in Central Asia and China. –Leiden, New York, Kohn, 1998. – 345 c.

Lieu Sauel, 2004 – Manichaeam Texts from the Roman Empire. \ Edited by Iain Gardner and Samuel N.C. Lieu. – Cambridge University press, 2004. – 312 p.

Sundermann, 2004 – Sundermann W. Turfan expeditions. – Encyclopaedia Iranica. – 2001-2007.

Tremplay, 2001 – Tremplay X. Pour une histoir de la Serinde. Le manicheisme parmi les peuples et religions d’Asie Centrale d’apres les sources primaires. – Veraffentlichung der kommission

fur Iranistik Herausgegeben von Heiner Eicher und Rudiger Schmitt. NR. 28. – Wien, 2001.

Vaissiere, 2004 – Vaissiere de la E. Histoire des marchands sogdiens. – Paris : College de France, Institut des Hautes etudes chinoises, 2004. – 376 c.

Zieme, 2001 – Zieme P. A Manichaean-turkic dispute in runic script. – The Light and Darkness. Studies in Manichaeism and its World. – Leiden, Boston, Koln, 2001.

Резюме

Соғды және соғдылық отарлаудағы манихейлік тарихтың тараалуын зерделейді. Мақалада сауда қарым-қатынасының дамуы мен коммуникациялық маңызы зерттелген. Автор Орталық Азиядағы манихейліктің тараулы мен тағдыры тарихын карастырады.

Summary

The article studies a history of the spread of Manichaeism and its destiny in Central Asia. It analyses a role of Sogd and Sogdian colonization in the history of spread of the Manichean religion and examines a significance of communications and development of trade relations in vast territory of Eurasia.